РАЗДЕЛ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

Наконец-то наступила долгожданная жатва 32-го года. О её начале громко оповещали нескончаемые политические речи.

Примерно в середине июля мы были свидетелями прибытия одного комбайна и двух жаток, а на следующий день на двух грузовиках приехал в село небольшой отряд красноармейцев. Грузовики поставили рядом с уборочными машинами, а красноармейцы разместились в помещении школы. Мы быстро узнали, что этим военным не разрешают выходить из школьного здания и общаться с нами. Возле школы день и ночь стояла вооружённая охрана. За всё время пребывания военных в селе – это около двух месяцев – мы никогда не видели, чтобы они ходили по улицам или разговаривали с крестьянами.

Вслед за красноармейцами прибыла группа студентов и группа рабочих. Студенты были из педагогического института, единственного высшего учебного заведения в ближайшем к нам городе. А рабочие – оттуда же, с машиностроительного завода. Мы часто слышали, что наш колхоз организовывался под шефством этого завода. Обе новоприбывшие группы поселили в помещении бывшей церковноприходской школы при ликвидированной ныне церкви. Этих новоприбывших тоже совершенно изолировали от нас.

Нам объявили, что официальное открытие кампании по сбору урожая состоится в ближайшее воскресенье (тогда и воскресенье бывало рабочим днём). В тот день все колхозники должны были собраться ранним утром на площади в центре села. Ходили слухи, что во время открытия будут раздавать горячую пищу. И эти слухи сделали своё дело! Когда мы дошли до площа-

ди, там было уже полно людей, хотя ещё только светало и солнце только выглянуло из-за горизонта. В колхозе люди работали не по часам, а по солнцу: от восхода солнца и до заката.

Посреди площади, так же, как на Первое мая, над костром были подвешены котлы. У костра стояли несколько тысячников с ружьями за плечами. Немного дальше за ними в двух грузовиках сидели красноармейцы. Две группы студентов и рабочих поставили отдельно одну от другой по обе стороны комбайна. У всех этих официальных представителей и участников празднества был торжественный вид. Они старались не смотреть на нас, оборванных и голодных колхозников.

Мы все тихо замерли поодаль от котлов, прикипев глазами к этому кипящему парному вареву. Но на этот раз не было на земле слабых и умирающих, как во время первомайского праздника. Те люди уже все поумирали. На площади и вокруг неё теперь собрались лишь те, которые оказались наиболее устойчивыми к голоду. Им удалось выжить, потому что они не брезговали есть всё, "что было съедобным и органичным", каким бы гадким, невкусным и отвратительным оно не казалось.

"Товарищ тысячник" залез на комбайн, чтобы начать то, без чего на этом мероприятии никак нельзя было обойтись, — политическую речь. Но на этот раз она была удивительно короткой. Хотя всё же какое-то время он потратил на то, чтобы напомнить нам, что только колхозники имеют возможность отмечать зажинки так хорошо организованно. А переведя разговор на жатки и комбайн, на котором он стоял, оратор не упустил случая похвастаться, что только в Советском Союзе хлеборобы могут пользоваться такой передовой сельскохозяйственной техникой. В конце он ещё призвал нас быть благодарными коммунистической власти за то, что нам прислали красноармейцев, студентов и рабочих на помощь в уборке нового урожая. Конечно, он не вспомнил о том, почему возникла необходимость в этой посторонней помощи. Но он объявил, что во время жатвы колхозники будут получать каждый день по два фунта хлеба и два раза в день горячую пищу. Закончив выступление лозунгами "Да здравствует коммунистическая партия!" и "Да здравствуют колхозы!", он после этого пригласил нас всех подходить за своими порциями горячей каши.

На этот раз толпа организованно выстроилась в очередь и спокойно продвигалась к месту кормёжки. Большинство крестьян ступали с опущенными головами, избегая взлядов тех, кто им накладывал кашу в посуду. Они чувствовали себя униженными, что их кормят как нищих в присутствии всех этих посторонних людей из города.

Чтобы накормить такую большую человеческую массу, ушло много времени. Наконец "товарищ тысячник" потерял терпение и приказал отправляться в поле, хотя возле котлов толпилось ещё много народа. Прежде всего нужно было запустить комбайн. На нём подняли красный флаг, а по обе стороны прикрепили полотнища с лозунгами, которые свидетельствовали о большом энтузиазме хлеборобов по тому поводу, что они смогут так оперативно сдать зерно государству. Когда запустили двигатель комбайна, он медленно сдвинулся с места. Эта машина была огромная и громоздкая. Если бы при других обстоятельствах увидеть такую махину в движении, то она бы вызвала большой восторг у крестьян. Но теперь всё внимание голодных людей было сосредоточено на каше. Многие, старательно вылизав остатки каши из миски, надеялись получить ещё и вторую порцию.

Тем временем военные грузовики двинулись следом за комбайном. Сразу за ними потянулись жатки, а дальше длинным обозом двинулись конные колхозные подводы – больше десятка – с городскими работниками и колхозниками. За подводами пешком шли остальные крестьяне, некоторые на ходу ещё заканчивали есть.

Всё свидетельствовало о том, что все детали кампании по проведению жатвы – торжественное открытие, выход в поле и даже непосредственное начало самой жатвы – были продуманы и проведены с военной точностью. Прибыв на поле, комбайн сразу же съехал с дороги влево и начал выполнять свою функцию – косить и молотить зерно. Красноармейцы спрыгнули с грузовиков и направились на отведённые им места. Грузовики пристроились к комбайну, чтобы принимать из него смолоченное зерно.

Одновременно по другую сторону дороги конные жатки тоже приступили к своему делу. Женщины с граблями, идя вслед за жатками, быстро и умело сгребали покосы и вязали

снопы, а мужчины брали их вилами, складывали на подводы и свозили к молотилке, которую обслуживали студенты и рабочие из города.

Сначала всё шло гладко, как и было запланировано, но вскоре, несмотря на тщательное планирование, начались осложнения.

Согласно инструкциям о порядке хлебосдачи, зерно нового урожая нужно было отправлять от молотилки прямо на государственные заготовительные пункты, в нашем случае – на железнодорожную станцию. Не успели и оглянуться, как кузов первой военной машины наполнился намолоченным зерном и она немедленно отъехала на станцию. Вторую машину вскоре тоже загрузили зерном – прежде, чем первая успела вернуться назад. Не было другого выхода, как использовать для перевозки зерна обычные подводы, хоть они совсем и не были пригодны для этого. "Товарищ Лившиц" пообещал райкому партии, что отправит так называемый "красный обоз" с как можно большим количеством зерна и как можно быстрее. И он должен был сдержать своё обещание. План хлебовывоза следовало выполнить вовремя. Вот он и приказал насыпать зерно в подводы, несмотря на то, что это привело бы к неминуемым потерям. Доверху наполненные зерном подводы выстроились обозом на дороге, их тоже украсили красными флагами, а по бокам прицепили транспаранты, на которых провозглашалось, что колхозники нашего села добровольно сдают хлеб государству. Этот "красный обоз" сначала повернул с поля назад и торжественно проехал через всё наше село, и лишь потом отправился к станции.

Задача "красного обоза" состояла также в том, чтобы сыграть пропагандистскую роль: он должен был объехать все придорожные сёла, распространяя весть о том, как счастливы наши односельчане оттого, что имеют возможность сдавать первый сбор нового урожая государству.

Тем временем молотилку пришлось совсем остановить, так как не стало подвод, чтобы подвозить к ней снопы. Увидев такое, "товарищ тысячник" быстро и легко нашёл выход. Если не хватает коней, то их можно заменить людьми. Вот он и перебросил студентов, рабочих и всех, кто был в поле, к молотилке – подносить снопы.

– Чего стали? – кричал он. – Эй, ты там, и ты! Ну-ка, работать, и живо!

И они взялись. Как только снопы были готовы, хватали их и несли к молотилке. Видно было, как люди спешили, будто муравьи, с вязками снопов спелого и сухого пшеничного зерна к молотилке, до которой идти было больше полукилометра. О том, что немало спелого зерна осыпалось по дороге, – и говорить не стоит.

Такими были зажинки 32-го года в нашем селе. На следующий день из МТС приехали ещё две грузовые машины, и после жатва у нас проходила более-менее нормально. План хлебосдачи государству был на первом месте, и никто не смел ни словом вспомнить о потребностях местных колхозников.

С самого начала жатвы и до её окончания никто из жителей села не получил ни фунта пшеницы. Для них ничего не оставляли. Нам было сказано, что всё зерно нужно отвезти на станцию. А там, как мы узнали, его высыпали прямо на землю, накрывали брезентом и оставляли гнить.